

Валентин Распутин любил Вологду, приезжал в наш северный край не раз, помнил о том, что освоение Сибири началось отсюда. И мы Валентина Григорьевича тоже считали своим, другом не только Василия Белова, но и всей нашей писательской организации.

Особенно памятной была встреча в декабре 1999 года. В Вологде проходил пленум Союза писателей России, в котором участвовали Василий Белов, Феликс Кузнецов, Валерий Ганичев, Игорь Шафаревич, Станислав Куняев, Владимир Крупин, Александр Казинцев и, конечно, Валентин Распутин.

Писательская братия отличается от обывателей свободой духа, поэтому презирает «протокол», ставит в тупик чиновников, а иногда бывает и буйной — в меру, конечно. Валентин Распутин на этом фоне выделялся подлинной интеллигентностью, источником которой были не только образование, воспитание, но и какая-то особая, глубинная, поражающая всех нежность души.

Он терпеливо отвечал на глупые вопросы газетчиков, не обижался на них, не поучал, не «вещал», как классик, а скромно сидел в заднем ряду, ожидая своей очереди. И на трибуне он просто размышлял, советуясь с залом, подбирал необходимые слова — все аккуратно, будто извиняясь за то, что отнимает у слушателей драгоценное время.

Валентин Распутин внутренне был весьма волевым человеком, несмотря на внешнюю мягкость. Он непрестанно боролся со злом в его современном облике — об этом свидетельствует и его речь на вологодском пленуме. Он предлагал такие лекарства для лечения общественных болезней, высказывал такие мысли, которые и сейчас многие остерегаются высказывать.

Я ни за что не подошел бы к Распутину просто так, ради любопытства или шапочно знакомства: меня каждый раз охватывал трепет, когда я видел рядом писателя, любимого с детства, поэтому держался на почтительном расстоянии. Но на просьбу коллеги, профессора Людмилы Яцкевич, не откликнуться не мог — она попросила передать Распутину альманах «Череповец», в котором была статья о его творчестве.

После банкета в Вологодском кремле я притаился неподалеку от раздевалки, пропустил обтекающие потоки повеселевших гостей и, увидев Валентина Григорьевича, — он наконец-то был один, без назойливых сопровождающих, — подошел к нему с подарком.

Наша беседа длилась минуты две, не больше, но в эти мгновения свершилось то, чего я никак не ожидал. Валентин Распутин был со мною не просто вежлив — он был кроток и нежен, его глаза излучали такой добрый и ласковый свет, что я сразу почувствовал: он по-настоящему, искренне любит душу человеческую, любит ее, как родную. Мне стало легко и просто от его сердечности, в его словах не было ни одной фальшивой ноты. Распутин благодарил за книгу так радостно,

по-детски, как не благодарил никто и никогда.

Потом, два года спустя, мы случайно встретились на Арбате, возле редакции журнала «Москва», и Валентин Григорьевич вспомнил тот вологодский эпизод, узнал меня, еще раз одарив теплотой своей голубиной души.

В начале 2017 года давний приятель вологодских литераторов, местный публицист Александр Алексичев, неожиданно прислал мне по электронной почте видеозаписи речей Василия Белова, Феликса Кузнецова, Валерия Ганичева и Валентина Распутина на этом давнем пленуме, за что я ему по-братски благодарен. Текст выступления Валентина Григорьевича Распутина публикуется впервые.

РЕЧЬ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА НА ПЛЕНУМЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ В ВОЛОГДЕ 9 ДЕКАБРЯ 1999 ГОДА

Дорогая аудитория! Уже не знаешь, о чем и говорить, хотя, конечно, есть о чем: жизнь становится все более интересной, и писатель почему-то считается ответственным за все, что в этой жизни происходит. Вот те же музыканты, Василий Иванович (Белов. — **В.Б.**), меньше считают себя ответственными и больше занимаются своим делом. А с писателя — издавна так повелось — буквально за все спрашивается. Вот приезжаешь в одно место, приезжаешь в другое, и если где печаль, тебе обязательно звонят, приходят люди со своими болячками. Да и сами мы привыкли к тому, что есть страждущие в каждом городе (мы знаем друг друга по именам): и в Вологде, и в Ярославле, и в Новосибирске, и в Иркутске, и где-нибудь еще.

Вот, скажем, прочел я жуткую статью о Ярославле в газете «Труд». Статья о том, как в городе проводится сексуальное воспитание школьников. Существует такая американская школа — сексуального воспитания, ее специалисты приезжают. Комитетом образования Ярославля бестрепетно выделяются для каждой школы города отдельные часы таким учителям. Те приходят к нашим детям, процедуры сексуального воспитания проводят, привозят учебные пособия, макеты — что угодно.

Не успел я пережить это событие, послал телеграмму в Законодательное собрание, как вдруг мне приходит весть, что в Вологде есть некий Гиндин (1), который проводит такое же сексуальное воспитание и проводит не один год. Много публикаций об этом. Думаю, что же Василий Иванович в Москву ездит-ездит? Надо же как-то говорить с руководством области об этом Гиндине (2), ведь это и наше дело в том числе. Василий Иванович, разумеется, задает такие вопросы... Как так можно...

Странно же, что такие города, как Ярославль, Вологда, — с культурой своей, с историей, памятью, святостью — как нарочно, больше всего подвергаются действиям

вот таких «образователей» и «преобразователей».

В Иркутске мы проводим Дни русской духовности и культуры. Вначале власти никак не хотели соглашаться с «русской» — «российской», и все тут! А какой «российской»?.. Я завидую тем городам, которые не могут назвать себя интеллигентными, а у нас город интеллигентный, интеллигенции у нас полно, и от этого страшновато.

Так вот, Иркутск, это такой город, который талантлив на интеллигенцию — космополитическую, разумеется, потому что национальная интеллигенция всегда в меньшинстве. Поначалу на Днях обстановка была вражеская. Все могло случиться: и потасовки, и тому подобное. Мы первые три года приглашали казаков, и тогда становилось спокойнее. Сейчас уже меньше таких проблем.

За эти годы мы многого добились. Авторитет нашего Союза возрос. Добились, — Валерий Николаевич (Ганичев. — **В.Б.**) не однажды об этом говорил, — помощи провинции, потому что мы стали приезжать и в Орел, и в Омск, и в Иркутск, и в Краснодар, и в другие места, где с уважением нас принимали, давали трибуну, собирали большие залы. А когда собираются большие залы, это важно. Что-то происходит, потому что три—четыре года назад такого не было, в то время люди на все плюнули, и на эту интеллигенцию в том числе.

И правильно, с какими людьми встречаться? Западная интеллигенция, прозападная или национальная — мы для них одним миром мазаны. Поэтому картина была совершенно справедливая. Точно так же справедливо относились к книгам — их тогда перестали читать. До тех пор, пока люди не поймут, что появилась литература — новая, прекрасная, — читатель не вернется. К счастью, люди сейчас начинают понимать.

Космополитическая интеллигенция, которая у нас десятилетиями жила с фигой в кармане, когда после советской власти вырвалась на свободу, конечно, вытаскивала эту фигу из кармана и пошла напролом брать реванш. И многое она все-таки взяла, многие города.

Но сегодня это положение меняется, и ясно, что космополитическая интеллигенция чувствует тревогу, и поэтому, я думаю, с одной стороны, надо писать, а с другой стороны, я призываю вас быть настоящим. Не так, как наставляет Чубайс: «Больше наглости!» Мы обойдемся без наглости. Но очевидно, что образование, особенно образование в школе, упускать нельзя, потому что в комитетах образования, как правило, сидят настолько чужие люди, настолько вражеские иногда люди, что диву даешься!

И хорошо, когда Законодательное Собрание Воронежской области принимает решение не пускать соросовские учебники на территорию Воронежской области, запретить преподавание по соросовским учебникам, запретить решительно. А ведь это же можно делать где угодно: власть же в руках местных законодательных органов и в других регионах. Это можно делать, а почему не делается? Местная законодательная власть, по большей части, все-таки люди патриотического склада. Они приходят из деревень, из сел, приходят командиры производства,

люди, которые поработали. Но ведь подхватили же где-то сразу!

В Новосибирской Думе в свое время вынесли решение по сексуальной печатной продукции: запретить продажу на улицах, продавать только в аптеках. По каким мотивам? В аптеки идут больные люди, только больным людям может понадобиться такая литература, пусть там заодно с таблетками и покупают.

Хороший, казалось бы, позыв и призыв ко всем, но Россия-то молчала и молчит сейчас!.. Поэтому против реваншизма несостоявшегося, который и не может состояться, конечно, нужно быть решительнее писательским организациям. Не нам обращаться к губернаторской власти — губернаторская власть, слава богу, почти везде показала, что это государственная власть, но неуверенность в ней есть.

Очень важно, что мы с вами все больше становимся русскими людьми. Так давайте еще, помимо того что мы взяли на себя роль увеличивать число русских людей с русскими сердцами в нашей стране, давайте будем укреплять русскую власть, русских людей, которые находятся во власти. Спасибо!

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Г.И. Гиндин, врач-сексолог, почти три десятилетия возглавлявший «Службу планирования семьи» в городе Вологде.

2. Василий Белов опубликовал несколько острых статей, обличавших деятельность поборников «сексуального просвещения», в том числе Г. Гиндина, упомянул об этом центре и в романе «Все впереди» (1986 г.). По иронии судьбы, через три года после смерти Василия Ивановича, в этом здании бывшей «Службы планирования семьи» на улице Щетинина был открыт... центр пропаганды творчества Василия Белова.

3. В.И. Белов неоднократно выступал против термина «вологодская литературная школа», несмотря на возражения Феликса Кузнецова, Валентина Распутина и других. Василий Белов считал, что нет никаких литературных школ, есть единая русская литература.

■ Примечания Виктора БАРАКОВА